

БЪЛЫЯ БАБОЧКИ НОЧИ

Ян Каплинский
БЕЛЫЕ БАБОЧКИ НОЧИ
БЪЛЪЯ БАБОЧКИ НОЧИ

Таллинн 2014

Ян Каплинский. Белые бабочки ночи: стихи.

Таллинн, Эстония: Kite, 2014. - 96 с.

Спонсор:

EESTI KULTUURKAPITAL

Редколлегия: Сергей Завьялов, Игорь Котюх, Дарья Суховей,

П.И.Филимонов

Художественное оформление и вёрстка: Марек Аллвез

Типография: Pakett (Таллинн)

Авторское право: Ян Каплинский, стихи и предисловие

Авторское право: Сергей Завьялов, послесловие

Авторское право: Kite, 2014

www.oblaka.ee

ISBN 978-9949-9444-7-7

Бѣлыя бабочки ночи
чѣрныя бабочки дня
чы-то незримыя очи
зорко глядятъ на меня

Въ тѣняхъ растаяли тѣни
спятъ ракиты и боръ
сладко безъ сновидѣній
спитъ у кладки топоръ

Тишины и печали
полны пруды и садъ
въ темной синей дали
звѣзды и звѣздопадъ

Смолкли слова и ноты
мысли грустны и ясны
каждому свои заботы
каждому свои сны

Въ водномъ зеркалѣ лица
кто изъ нихъ я кто нѣтъ
бѣлой бабочкѣ снится
она философъ поэтъ

В начале был Лермонтов

До той осени я был довольно обычным мальчиком с довольно обычными интересами. Читал я много, но, главным образом, доступную мне литературу, в том числе переводы книг лауреатов сталинской премии. Из них более четкие воспоминания остались у меня только от двух книг – от «Петра Первого» Алексея Толстого и «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, прочее забыто. Но той осенью случилось что-то, сильно изменившее меня. А именно – в мою жизнь внезапно ворвалась поэзия, до тех пор меня мало интересовавшая. По всей вероятности, это было в 1954 году, когда мне было тринадцать лет. У нас дома не было много книг: во время бомбежек почти все сторело. Но кое-что мама и дед купили, в большинстве своем книги на французском и русском языках – в молодости мама жила несколько лет в Париже и потом работала учительницей французского языка. Но русский она знала с детства, как почти все люди ее поколения, получившие образование полностью или частично на русском языке. Таким образом, у нее на полке стояли тома Пушкина, Лермонтова, Чехова. Однажды вечером, скорее всего, просто от нечего делать я взял в руки томик избранных стихотворений Лермонтова и стал его перелистывать. Вдруг до меня дошло, что я более или менее понимаю, что читаю. И тогда я наткнулся на стихотворение «Воздушный корабль». Прочитал его и закончил почти со слезами на глазах. Не столько из-за сочувствия к призраку императора, сколько из-за неожиданной встречи с духом, с мощью поэзии. Она, поэзия, прикоснулась

ко мне, и что-то во мне необратимо изменилось. С того вечера я стал сначала увлеченным читателем стихов, а потом пытался что-то сам сочинять. Читал я несколько лет почти только русскую поэзию и классическую прозу. А писать, после нескольких неудачных попыток, стал все-таки по-эстонски. Мое знание русского языка было тогда явно недостаточным. Хотя оно со временем улучшалось, я редко писал по-русски, главным образом, статьи, даже один рассказ, опубликованный в питерской «Звезде». Вернулся я к русским стихам в Эстонской Республике, когда русский язык уже не был языком казенным. Это было примерно в самом начале нынешнего столетия, и в 2005 году двадцать моих русскоязычных стихотворений были опубликованы в двуязычном сборнике «Sõnad sõnatusse / Инакобытие». Они, с некоторыми поправками-изменениями, включены и в настоящую книгу. Большая часть текстов в книге написана позже, главным образом, между 2010 и 2013 годами. Считаю, что наша эстонская культура с самого начала была многоязычной, наши писатели, начиная с основоположников эстонской литературы – Крейцвальда и Фельмана и заканчивая поэтом-полиглотом Ильмаром Лаабаном, знали несколько языков, и ими более или менее часто пользовались. Как я объяснил, у меня сложились близкие, почти интимные отношения с русским языком, и естественно, что иногда я пишу именно по-русски. Конечно, мне в этом помогали и ободряли мои друзья и коллеги, без бескорыстной помощи которых многие стихи, включенные в этот сборник, не были бы годны для того, чтобы быть напечатанными. Я искренне и глубоко благодарен Сергею Завьялову, тщательно редактировавшему мои стихи; Михаилу Мейлаху, прочитавшему первый вариант книги и сделавшему множество ценных замечаний; Анатолию Кудрявицкому, подредактировавшему некоторые из находящихся тут текстов и опубликовавшему их в десятом номере интернет-журнала «Окно»

за 2012 год; моим первым читателям и редакторам Ирине Белобровцевой и Михаилу Новожилову. И конечно, *last not least*, моему редактору, переводчику, критику и издателю Игорю Котюху, без чьей помощи эта книга не стала бы реальностью. В русской поэзии до сих пор верлибр, свободный стих является чем-то маргинальным. Хотя старинная русская народная поэзия, в отличие от, например, французской или немецкой, нерифмованная, как и духовная лирика. Думаю, что и тут возвращение к истокам и изучение стихов таких мастеров современного верлибра, как Томас Стернз Элиот, Эзра Паунд или Тумас Транстремер, могли бы оказать освежающее влияние на русскую лирику, где, по-моему, слишком долго и монотонно слышится то, что немецкий поэт Арно Гольц назвал скрытой шарманкой. Таким образом, как поэт, я одновременно и модернист, последователь Элиота и Рембо, и традиционалист, восхищающийся народной поэзией финно-угорских и славянских народов. К тому же, я отношусь ностальгически к старой, дореволюционной русской орфографии, и сам часто в старой орфографии пишу. По-моему, старая орфография очень хорошо подходит для стихов и читается легче, чем новая, где слишком многие буквы трудно отличимы друг от друга. Надеюсь опубликовать некоторое число экземпляров этого сборника и в старой орфографии.

Ян Каплинский

в поступлении в 1-111 классе начнутся 18 мая. а
Принимая в расчет статистику, выходящую из...
...но, за
... ..

... ..
... ..

... ..
... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

Могу молиться лишь Богу
воскресителю всех вымерших
только не меня
я останусь на той стороне
вместе с прошлогодним снегом
и цветущими яблонями этой весны
и все мои стихи молитвы и мантры
разнесет утренний ветер
по всем сторонам света
путям-дорогам и почтовым ящикам

Пройти сквозь мир и пространство
созданные Никем и для Никого
даже если твое имя и твой опыт имеют значение
даже если письма Бога не сгорают вместе с берестой
их никогда не будут читать
проснувшись утром находишь
что твои следы уже покрыты опавшими листьями
и что ты опять забыл
только что увиденный сон

Время это течение или течение течения
мы все уходим в прошлое или в будущее
предыстория еще там за углом до истории еще далеко
что осталось что досталось нам от Ливонии
кроме запаха рождественских яблок и стихов о тенистых садах
язык уже не тот имена не те все уходит от нас
ели перекрестки со светофорами
дети размахивающие флажками президентам королям чемпионам
тем кто отдал свою жизнь за те или не те цвета
до того как и они уплывут вниз по течению
и их следы станут водоворотами в реке
исчезая в темноте за старым каменным мостом

Этот серебристый мир зазеркалья
взирающий на тебя твоими же глазами
из невесомой тишины твоего же подобия
на твои попытки еще раз уловить неуловимое
постичь тайны шмелиных крыльев и первых снежинок
поймать как из пустоты возникают частицы
мысли и бабочки строятся воздушные замки
гипотезы и теории – разве там между правым и левым
между тем и сем чем-то и ничем тишиной и звуком
не осталась спрятанная забытая дверь туда же
куда может быть ты еще возвратишься
к своей родне к первобытной пустоте первобытным морям
к рыбам и земноводным ползучим и лазающим
к невиданным снам к изначальному безмолвию
к нерожденным мыслям ненаписанным стихам

Волей-неволей участвуя в небытии и одиночестве Бога
забываясь на миг между двумя словами молитвы
там за веками веков и старыми липами где нет границы
между его странным отсутствием и присутствием
где тени еще не родились и свет еще не успел отразиться
от удивления шагающего на рубеже света и цвета
еще не пришедшего в себя из отмирающего небытия
где-то совсем близко где-то на берегу той же реки

Все за что мы жили умерли болели и боролись
достанется ветру – тот кто сеет
может и не знать что вырастет из его посева
искорки так похожи на светлячков а иногда на мысли
а с памятью так же трудно согласиться или спорить
иногда кажется что пустоты почти нет
слишком много невинно-безымянно забитых и забытых и
вряд ли найдется путь назад к тихой мудрости
вечно возвращающейся весенней травы
путь назад к себе к своим следам к своей душе
которая все равно ничего не замечала
назад к подснежникам и черным паукам
снующим в высохшей прошлогодней траве

В поиске смысла жизни мы жертвуем жизнь смыслу
и свои крылья крылатым летучим словам
хотя без памяти ничто не изменяется а просто есть
просто стоит просто летит просто проходит
один за другим хвоинки прощаются с елкой свечи прогорают
лишь отблеск последних борющихся за свою жизнь огоньков
еле отражается на серебристом шарике под потолком
если нет памяти ничего не остается все просто есть
и нам невмочь что-то познать или доказать
и понять страдаем ли мы от бытия или небытия

Оно здесь совсем близко даже ближе имен и воспоминаний
ближе старой кровати и рваной детской рубашонки
и незабудок на тропинке ведущей к пруду
близко как синий цвет цветку или красный цвет крови
как вчерашнее сегодняшнему и берег океану
оно ближе своего я ближе нас с вами
и иногда я почти уверен что не только черная кошка
слушает меня лежа на верхней лавке у окна

Зачем существовать если можно просто бороться за
существование
зачем бороться если можно просто существовать
там на западе заходит солнце за старые ракеты
я знаю – не все мы встретимся завтра утром
хотя я еще верю в надежду и любовь но уже не в веру
я знаю – все начинается и кончается фрагментами
старыми фотографиями разбросанными по вымытому полу
мы рождаемся и вырождаемся в различных личностях
в множестве узнаваемых и неузнаваемых самих себя

Даже голос ворона звучит все звонче и бодрее
а утро за окном все светлее
в каждой капельке падающей с сосульки
встречает тебя маленькое здравствуй
напоминая как часто мы забываем что мы не только мы
а кто-то и что-то еще
названное и безымянное полузабытое полупрозрачное
еле уловимая пелена между прошедшим и предстоящим
между затмением и просветлением

Правое и левое обмениваются местами
даже в некривом зеркале правда иногда похожа на кривду
безмолвно смотрит тот другой тебе в глаза
твоими же невинно-голубыми глазами
да ландыши и касатики не врут
но они увядают так скоротечно
и все что останется это печаль и запах
может быть это одно и то же
неуловимое необъяснимое нечто
не отстающее от тебя ни днем ни ночью

Внучка смотрит удивленно прищурив глаза против света
придя в себя придя назад из той действительности
что мы называем сном в другую действительность что мы
называем явью
не зная что скрыто там за теми занавесками веками глазами
глядящими на нас или просто на свет
из чего ничто еще не создано не сотворено
что само еще лишь белый свет еще не мир лишь пустота
провожающая нас на долгом пути от А к Б

Вещи не запомнили своих имен и вот я начинаю их забывать
память как дырявый карман не держащий мелочи
слов и понятий кое-кто знал это уже в средневековье
и кое-кто не забыл в нашем кромешном веке
храня все что другие до него носили с собой
и в конце концов выпустили из своих застыдившихся рук
как птичку ящерку или лишь крохотку
что-то между чем-то и ничем между нами и нашим забытьем
что-то не имеющее ни начала ни конца ни значения

Все течет как чернила так и чернильница
старая лампочка и очки на столе
стол и стулья дни и ночи зимы и лета
ноги и следы начала и концы
понятия и понимание все то что я знал и не знал о себе
течет тишина текут голоса звуки и отзвуки
все труднее отличимые от голоса самой тишины
от голоса южного ветра и наступающей весны

И я почти готов выйти из себя и из моды
готов быть забытым оставленным в покое
за лесами и болотами уроками давней и новой истории
которые редко кто выучивает прежде чем оказывается поздно
но даже те немногие мечтают о чем-то другом
о дальних островах в южных морях
о том как выбросить шарманку из русской поэзии
стать одними из тех скромных жуков-могильщиков
кормящих своих детей лакомыми останками
Ломоносова Лермонтова Пушкина Бродского

Что-то из того что я выронил из моих окостенелых рук
вчера ночью когда звезды были так яркие и тропинка
сверкала как витрина ювелира – душа на миг
позабыла о сердце и о нервной системе
что-то из того что я выронил не заметив ни
своей забывчивой души ни зарождающихся мыслей
может быть это были ключи может быть семечки
или просто крохотное невесомое прозрачное нечто ноль

Рано или поздно мы все нырнем в неизвестное
будущее нахлынет на все что от нас осталось
следы на поверхности переродятся в круги
а под водой нам так хочется петь
под водой голова так пуста что возникают удивительные мысли
но те кто придут приплывут за нами
умеют лишь хрюкать и барабанить
не знают о смерти и жажде не торопятся жить и петь

Я боюсь тех кто боится пустоты
боюсь Паскаля хотя не боюсь теории вероятностей
не боюсь римских древностей ведь и они
как мы все родились в пространстве Евклида
и умрут там в пространстве Пиранези
как под огромным древним колоколом
где много места для всех но нет ни людей ни Бога
лишь дряхлые инструменты для пыток дремлют
в тусклом свете времени пережившего само себя
и входя туда ты опять встречаешь бесконечные серые будни
твоего детства в безмолвном разбомбленном городе

Инакобытие – тихий голос шорох шелест
прошлогодних листьев на позапрошлогодном снегу
скоропись ночных крыльев луна над застывшим прудом
все полуневидимо полузанесено полузабыто
проповеди о перерождении перераспределении доходов и грехов
то что останется после вечной жизни и смерти
недосказанных слов и невыросших перьев
лишь шорох лишь отголоски голосов
многословие и богословие неразлучимы и неотличимы
в свободном падении ниоткуда в никуда

Те кто тогда пришли с младенческой улыбкой
по свежим следам утреннего солнца
рано или поздно нашли что в полуденном сне
труднее лететь и растаять чем летней ночью
мы все ходим по паутинке глядя только вверх
в сторону Андромеды или Пегаса
забывая себя на миг в астро-мифологических мечтах
паря в синеве над безмолвными березами
хотя небытие остается недостижимым
и в сумерках лишь черные кошки не превращаются в оборотней
когда нам пора встать и приземлиться

Негев

где только камни говорят с камнями
вода и кровь еле выдержат
жару и тишину

пока я закончу первое предложение
время истечет и второго
уже не будет

лишь малыш-скорпион
выкарабкается из-под упавшего пограничного столба
и посмотрит в сторону восходящей луны
как две тысячи лет тому назад

Дверь открыта стою на пороге
ветер облизывает мои глаза
как огромная темная собака
своим холодным языком.
Ветер одинок, как я
на пороге
в темноте
приближающейся бесснежной зимы

Будущего уже нет
Само время лишь угасающее эхо
старой музыки в черном зеркале
старого рояля
в наступающей тишине весенней ночи
все вещи все мысли
еле слышимым шепотом повторяют
Элиза Элиза Лиза За
ноты лица имена
сливаются с пространством
пространство все еще пространство
один-единственный черный глаз
будущего больше нет

Бог умер
Ницше умер
мертвые высохшие божьи коровки
на пыльном подоконнике
Сущность вещей яснее видна
черные кроны старых кленов
на фоне меркнувшего неба

Опять я один в темноте
я и черная кошка которая одновременно
существует и не существует
стихи которые так и останутся
сразу написанными и ненаписанными
пока я не выйду – за пустырь
вместе заходят Юпитер и Венера
и ночь пахнет тающим снегом и весной
весной наступающей издалека оттуда
куда одно за другим исчезают все светила
и все что имеет значение опять на своем месте
ворона на лестнице ведущей на крышу
луна на юго-востоке
машины в ряд перед гостиницей
наброски стихов в записной книжке

В тумане над тающими льдинами
бледный диск послеобеденного солнца
и еле ощутимый запах пробуждающегося моря
все так полно светом что все мысли
смолкают в голове и само пространство
сама окружающая среда со своей тишиною
со своей туманной светлостью проникает в этот миг
где теряются различия между близким и далеким
между рассудком и чувствами
между облаками и дымкой окутавшей дома и яблони в садах
между совершенным и несовершенным видом
между тем что я собирался писать и тем что я написал

Все дороги ведут-уводят в прошлое
лесные тропы и стёжки у озера
млечный путь и птичья дорога
лыжня древнего богатыря следы небесного оленя
наши следы под светлым июньским небом
следы ветра на пруду где отражаются ночные
серебристые облака
муравьиные следы на обветшавших осиновых листьях
ледяные узоры на окне такие же неповторимые
как наша жизнь как наши пути-дороги в прошлое в небытие

Язык родника под ольхами почти что родной
так же знаком так же непереволим
как все языки в мире все симфонии и картины
гобелены, глиняные сосуды, серебряные ложки
или набухшие почки на дубовой ветке
что я принес с собой с побережья моря
язык не сама мысль а сеть для ловли мыслей
для ловли ветра или ряби на вечернем пруду
язык – течение уносящее нас через камни и омуты
все ближе к концу к морю-океану

Моя кровь эритроциты и лейкоциты не знают обо мне
кроветворные клетки не ведают что творят
и кости несут свое бремя не думая о нем
разве мысли знают что они мои разве я сам
знаю свои мысли разве я сам есмь что-то
кроме безмолвных мыслей о мыслях
о замерзших пальцах о наступающих сумерках
наполняющих комнату где почти не остается
ни меня ни моих мыслей где на миг воцарится
лишь слабо пахнущее сиренью небытие

Идентичности нет она как собственный запах
которого не замечаешь от коего не уйдешь
как запах своего старого пиджака своей кровати
который чувствуешь лишь вернувшись из-за границы
видишь во сне где-то в гостинице в чужом городе
а у себя дома вдруг понимаешь что часто
не ты говоришь рассуждаешь а там за окном
где не едет ни одна машина не идет ни один человек
воробьи говорят и ель за воротами соседа
своим безмолвием что-то скажет тебе в наступившей
неожиданной почти невероятной тишине

Разве и эта жизнь лишь дырявый мешок как все другие
твое Я лишь забытый рубец на коре сосны на перекрестке
но пути назад нет все что когда-то случилось
все чаще глядит на тебя черными глазищами
а окна стоят без занавесок и у лампы нет больше сил
противостоять теням играющим в прятки с тобой
в будущем отражается лишь улыбка кого-то из темноты
и еще не распахнувшиеся липовые цветки – а запахи
ничто не отражает они родились вместе со мной
и живут своей тихой жизнью со мной до конца
воображение играет с невообразимым конечное с бесконечным
но даже частицы и тени распадутся – останется только излучение

Ветер откуда-то издалека как будто из того детства
где он играл моими волосами и снами а дню не было конца
вряд ли он меня узнает я сам и мой мир так изменились
и сны не такие какими они были в двадцатом веке
где я оставил так много – следов, строк,
побед и разочарований – ведь все то досталось ему ветру
как все вопросы без ответа – трудно было понять
что ветер не кто иной как сам дух что дышит где хочет
и мы не знаем откуда приходит и куда идет
знает ли он – помнит ли он мои глаза
которые его видели в самом начале
знает ли он как они видели
синеву весеннего неба и агонию пламени под золой
так я видел белизну ветра и понял как пахнет свобода
свобода подарить ветру свои следы и самого себя

Поздняя ночь с ее предвесенней тишиной
ночь как огромный черный колокол
до которого нельзя дотронуться
чтобы все не исчезло развеялось как звон
превращаясь в стаю отголосков заблудившихся в мокрой тиши
над полями уже теряющими свою белую невинность
еще не все готово ивняк еще пробуждается
в шуршании ручья лишь тоска по старым добрым временам
многие слова еще не нашли своего значения
многие мелодии не нашли своих истинных слов
а у мыслей и ласточек впереди долгий путь домой

Когда кто-то повесит новый календарь на кухонную стену
и вдруг услышит писк птенцов из-под стропил
какое будет иметь тогда значение то что он знает или не знает
как мы однажды в июле
приехали сюда со старой мебелью нашим сыном-первенцем
и собакой
это было другое время и под кровлей гнездились другие
ласточки
бригадир Виллем ехал на телеге запряженной белой лошастью
и старый Аугуст выпивши рюмочку запел
Наверх вы товарищи все по местам
это было давно когда я еще не отвык от современного мира
и мне не было легче и приятнее общаться с белыми облаками
и замшелыми камнями чем с людьми а теперь к счастью
мне все труднее слышать о чем они все говорят и спорят
и все легче понимать шепот молодых липовых листьев
и безмолвие воды в пруду и старых газет в ящиках на чердаке

Все растворяется в сумерках белой ночи заботы сны
розовые облака
небесные горы с сияющими вершинами где обитает
Бог-громовержец
белая бабочка вылетает из куста жимолости
куда днем исчезла черная бабочка – может быть она та самая
может быть ночью бабочки должны быть белыми
даже в нашей северной короткой белой ночью
может быть старики пишущие стихи должны быть счастливы
в такую ночь глядя на закат на розовые облака
слушая как тишина расправляет свои прозрачные крылья
над садом и сосняком где созревает первая земляника

Мама умерла в мае бабушка в июне а мы исподволь
начали понимать
что такое жизнь учились косить траву и ухаживать за пчелами
защищать молодые сосны от лосей и от нас самих
бороться с оводами комарами и кошмарами
ждавшими нас в старом доме пустовавшем несколько лет
после смерти старого хворающего хозяина
от которого осталось несколько давних писем и рецептов
и много пыли и копоти на бревнах и обоях свисающих
с потолка
дюжина скворечников и скелет курицы которую забыли
выпустить из каморки над подвалом чей потолок
развалился уже следующей весной

Весеннее утро как одна-единственная улыбка
сногшибательная улыбка первых открывшихся тюльпанов
частица иного времени иного пространства
времени для любви пространства для крыльев
и ветра уносящего нас прочь от прошлого и будущего
в открытую даль майского неба где мелькают
первые ласточки их взметающийся полет
вернувший нам третье измерение свободу дышать и думать
о том что под нами и над нами одна и та же бесконечность

Как банален этот мир но вряд ли мы тут навсегда
и время течет и дышит летним зноем и покоем
почти только для нас – мы можем просто забыться
пока солнце не выйдет из-за большого облака
и пора вернуться в жизнь где не все знают за кого
и как долго им нести свои кресты – а там за окном
в надвигающейся тьме в безмолвном одиночестве
цветут и увядают белые лилии каждая за себя и за всех нас

Это было словно вчера утром я встал из-за стола
оставляя свою биографию недописанной и недочитанной
не помню верил ли я что смогу просто так
покинуть одну и вступить в другую жизнь
или это был лишь миг забытья...
а вернуться полвека спустя было так же трудно
почти как умереть и родиться еще раз
но первая жизнь текла своим чередом
без меня без моего ведома или желания
а там на столе оставались лишь контуры прежнего меня
все к чему я привык было уже недействительно
моя биография мои взгляды мой стол моя кровать
никто уже не знал не помнил что такое чернила
что такое чернильница что такое хорошо и что такое плохо
что такое настоящее счастье что такое настоящее время
а прошедшее и будущее уже давно перестали существовать

Нет души то что есть это только имя
сокровенное затаенное имя состоящее сотканное
из всех имен когда-либо существовавших на свете
на всех языках живых вымерших еще не родившихся
нет души и имя уже почти потеряно оно ускользает
из рваной сети того что было когда-то моим языком
они отняли мое имя раскололи расщепили его
они отняли мой язык а когда его вернули
я его не мог ни узнать ни признать а мое имя
совсем забыло обо мне забыло свое значение
свою этимологию и морфологию а сегодняшний день
такой угрожающе пасмурный – утра уже нет
есть только вечер без имени без звезд без луны

Небо там в высоте не небо а пустота как в самом начале
черная пустота с немигающими звездами
и солнце палящее одиноко со своими пятнами в той пустоте
там в высоте нет ни высокого ни низкого и трудно предсказать
куда упадет уроненная из кармана копейка или цент
и насколько еще верно все то чему нас учили в школе
и насколько вчерашняя правда все еще в силе через неделю
и столетие

Там в зеркале не я как и перед и за зеркалом
человек не может два раза вступить в ту же реку
на дворе осень и все потихоньку замолкает
даже река даже шмели даже ветер в кроне кривой березы
даже сердце бьет все тише и тише
почти украдкой как будто стыдясь того
что болит но все еще не может остановиться
лишь листья не умеют молчать и падают
с легким почти неслышимым шорохом на траву
которая ничего не знает не помнит а просто-напросто зеленеет
воздух сыр и свеж и веет пессимизмом и поэзией

Мы играем в шахматы мы играем в хоккей
мы играем в салочки в царь горы в прятки
мы играем на гитаре мы играем в рулетку
мы играем в детские мужские и женские игры
мы играем с жизнью и смертью
и смерть смотрит на нас и нашу игру
спокойно-спокойно она не играет ни во что
мы играем в то что живем и умираем
и что смерть смотрит на нас и нашу игру
и у нее голубые пустые глаза
темно-голубые как вечернее небо
над пригородом обнаженными яблонями и сливами
над игровой площадкой где уже никого нет

Иногда мне хочется умереть чтобы не встретить свою смерть
умереть тихо просто забыться где-то на полпути
между прудом и лесом там где жена и дети
всегда находили лисички и где мы однажды увидели
свежие медвежьи следы в высохшей грязи на дороге
он же тот медведь тоже был чьей-то смертью
нежданной встречей между ольховником и полем
иногда мне хочется умереть но не знаю что делать
с той странной тоской пробуждающейся в груди
когда вижу стаю диких гусей в пути с северо-востока
на юго-запад над белыми березами под белыми облаками

Созданное несозданное – пена на вечерних волнах
инфразвук проникающий в сердце и глаза
мы сами и все дела где мы потерялись
то что мы забыли это мы сами
и глядя на море мы в самом деле глядим на себя
но себя не видим видим лишь следы инфразвука
стоячая волна буквы слова предложения
на пожухнувших пожелтевших страницах
море дышит сильнее и инфразвук проникает все глубже
в наши книги наши слова наши сны

Я не знаю как в цветке живетса букашкам-жучкам
но знаю как там выглядит смерть
она того же цвета что сам цветок
у нее восемь ног и восемь глаз
неподвижно лежит она между тычинками
часами ожидая свою добычу
смерть жрет-пьет жизнь те лакомые соки внутри нас
оставляя панцирь славу достижения и подвиги
и много-много вещей котомок мешков
следов воспоминаний кои уже не знают
чьи они и откуда они – как вечерние облака
не помнят где они родились и не знают
над какими краями они растворятся

Мы незваные гости на этом балу
где всегда кто-то съедает своего партнера
то что есть не может служить
примером тому что должно быть
откуда тогда взять пример
если и книг слишком много
и слишком многие из них священные
если сердце где были написаны иные заповеди
так же пусто как сегодня небо над морем
и я лишь незванный гость на каменистом берегу
мало что понимающий в правилах и правах
не всегда уверенный в том что я все еще я
а море так угрожающе спокойно и небо слишком пусто
как одно сплошное голубое недоразумение

Обо всём уже написано но ничего еще не сказано
мы всё еще ждем Слова веря что в этом Слове есть всё
революция эволюция выход из лабиринта
а пока нет ничего нет смысла и нет даже жизни
лишь стены высокие хмурые серые стены

и отблески света и надежды откуда-то свысока
и жгучий вопрос может быть и всё это не то
может быть действительны только действительные числа
и мы застряли на полпути между нулем и бесконечностью

Как тихо все в Кяэрику каким молчанием молчат
окна лестницы и площадки молчит потрескавшийся асфальт
под муравьиными тропами как где-то молчат
все кто тут был говорил и читал наизусть стихи
как молчат Юрий Михайлович Александр Моисеевич
молчит Линнарт и Хальянд не скажет ни единого слова
и где-то куда я еще не вернулся я еще там
мартовское солнце режет-колет мои босые ноги
а я молодой и влюбленный убегая дальше и дальше
по колючему снегу навстречу нашему соборному молчанию

И бытию и небытию нет спасенья – нам и детям
не останется ничего – действительность как мяч
играющий с игроком – то что между нами сильнее нас
мои слова и мысли лишь возмущение пустого пространства
пока оно не пробудится и не растворит всё
глядя с той стороны мы еще не родились
и мир еще не сотворен и все мы вместе
плаваем и колышемся в околплодных водах хаоса
во вселенской утробе и Господь еще не знает
следует ли создать человека и его смерть или нет

Пятнадцать градусов все они один за другим
поднимаются в воздух разлетаются и растворяются
в блеклой усталой синеве – да, после нас будет потоп
и всем пока не поздно надо учиться плавать и летать
пока астры еще в цвету и последние бабочки-траурницы
отдыхают на крыльце подогретом усталым солнцем
но сегодня восточный ветер еще дышит свободными стихами
и все происшедшее еще не стало прошедшим
и наша мимолетная республика еще не растаяла в той же самой
внеисторической синеве в просторе как поля и поселки
как вечерняя тишина и огоньки в дальних окнах

Всё что есть весь мир дальше и близкое есть зеркало
но нам так трудно в нем узнать
себя и свои представления о нем
волна приходит за волною проблески солнца за проблесками
белые крылья над волнами над берегами
над всем что всё скорее остается позади
и сквозь облака не видно ни одной звезды
лишь полная луна тускло и одиноко светит
сквозь крону одинокой сосны и ее отраженье
еще долго следит за нами как напоминание
о том что мы изгнанники и на том берегу

Первый снег белые леса белые поля и дороги
белые страницы все прошлое зачеркнуто замечено
следов еще нет есть только память о том
что тут когда-то было написано что тут росло и цвело
и крошечные черные знаки первые буквы слова
нового рассказа неоконченного повествования
наши рассказы допишут косули лиса и горностай
и собаки оставят на каждом сугробе
свои иероглифы нарисованные теплой мочой
и некому распознать и сказать кто мы – читатели или писатели
или просто буквы маленькие темные знаки
живые и неживые на тех обновленных страницах

Смола уже крошится на пальцах
и хотя ночь наступает все быстрее
ты все равно забудешь вчерашний сон
и от увиденного наяву
возникнет больше вопросов чем ответов
разве в последних словах
есть что-то большее чем в первых
все найденное скоро пропадет
и всего потерянного
не найдешь никогда
ни маленького плюшевого мишку
ни большой пестрый мяч
с которым ты прыгал летал
через дворы и заборы

слова парят в воздухе
на своих собственных крыльях
держатся вместе
своей собственной тяжестью
меньше всего тебе довелось сожалеть
о том что не научился летать
намного больше о том
что не смог сказать то
что в самом деле хотел
некоторые из нас иногда
встречались с чем-то
что не помещается ни в мыслях
ни в словах ни во взглядах
встречались с глазу на глаз
с капельками теплого дождя
с запахом летних сумерек
от которых вперед в великое безмолвие
ведут несколько дорог
а оттуда назад в сегодняшний день
ни одной

Все вырастает из воспоминаний
зимний свет глядящий неуклюжей рукою
нечитанные тобой книги
с которыми тебе дали дожить до сегодняшнего дня
давно ли ты забыл
все что когда-то хотел спросить
только твое имя и твое лицо
запомнились кому-то до ночи
но не твои вопросы не твое имя
только тихо дрожащая
покрытая инеем ветка
будет провожать тебя взглядом
из зеркала откуда птичка
уже давно улетела

Между словами нечто большее чем слова
течение унесло льдины вниз в потемки в завтрашний день
от тех с кем тебе пришлось встречаться в пути
остались лишь тени дýши бескрылые силуэты
тени темнее чем тень самой ночи
тень тени далекая почти непонятная
и нам и тем кто ее видел кто туда попал
и вернулся – может быть он когда-нибудь
расскажет о том что его там ожидало
расскажет о темноте светящей ярче света
о темноте что тяжелее пушинки и ласковее печали

Если ты смог так долго жить вместе с тишиною
тебе может быть удастся рассказать о ней без образов и слов
и ты поймешь что есть общее между запахом
прошлогодного снега и полетом летучей мыши
над древним каменным мостом и тенями
одного мальчика и его кота на голой белой стене
за которой почти кончаются воспоминания и надежды
ведь никто не в силах проводить тебя туда
кроме тех крошечных свечей
кои ты вместе с другими полными тех самых надежд
отправил вниз по течению
на берегу большой чужой реки
где-то там в одной далекой чужой стране

Молитва и есть то что останется
когда все уже сказано и нечего больше сказать
Бог то что останется когда всему во что можно верить
настанет конец и будет нечему больше верить
а сено всё там на чердаке и хлеб на столе
под белым льняным полотенцем
обо всем этом я когда-то уже писал
как писали другие до меня до нас всех
но недалек день когда уже не будет разницы
между тем сказал ли я в двух словах всё
или всеми словами ничего

Ветер пронесся откуда-то куда-то над моими свежими следами –
сознание на миг отстало от меня – полная луна
вышла из-за облаков и белые стволы берез
вдруг так ясно видны что показалось – они подвинулись
ближе к нам и вместе с ними
все стало более знакомым и грустным
как тогда почти полвека тому назад и я сам
может быть в этом лунном свете
опять ближе к самому себе ближе к своим следам
белым березам белому ветру белой лунной тишине
течению времени где наши души крутятся и бьются
одна о другую становясь всё чище и обтекаемее
превращаясь в белый песок на побережье
по которому можно часами бродить на котором можно писать
каждым утром снова и снова
имена тех кого уже нет и тех кого никогда не было

Дни могут повторяться но не дневной свет
петух кукарекает в темном хлеву
ветер затихает и время останавливается
открывая на миг окно в вечность
где тот кем я был подходит всё ближе ко мне
почти прикасаясь своими пальцами к моим
и наши мысли вдруг встретятся и сольются
во что-то замысловатое что-то невысказанное
и мне становится всё яснее что миру Аристотеля
только что наступил конец и нам осталось-досталось
лишь кукареку петуха Эйнштейна или Витгенштейна
в темном хлеву под светлым летним небом
где видны лишь редкие ранние звезды

*Non omnis moriar, multaue pars mei
vitabit Libitinam...*

Ничто не дается даром – за увиденное и услышанное
надо платить отдать частицу крупинку себя
атом, запах, клетку, улыбку, рукопожатие,
радость встречи боль разлуки – разлукой
кончится все хотя неугомонный разум
пытается найти утешение диктуя мне
вопрос за вопросом – о бессмертии души
о разлуке от разлуки с самим собой
о том что предстоит делать душе
свободной от телесных оков – я боюсь
что она душа станет нищим бродягой
блуждающим по путям-дорогам сидящим на перекрестках
ожидая от добрых людей монетку улыбку а от неизвестно кого
хорошего слова чуда откровения а в конце концов уже ничего

Эксперимент не удался...
Он должно быть и сам это понимает
и Ему нести ответственность за сотворенное-натворенное
не мы во всем виноваты – что это за Отец,
что бесконечно карает
своих детей за все что случилось хотя мамонты моа дронты
киты и слоны на нашей совести как и учителя и пророки
те коих мы умерщвляли те коим мы слепо верили ради
чьего имени
умирали и убивали – не знаю наша ли или не наша вина
в том что мы столько оставили после себя
чтобы мы могли в самом деле уйти
надо все это найти собрать и убрать наши следы наши слова
отпечатки наших пальцев на страницах книг
в старой библиотеке на холме или в новой библиотеке
старого городка на самом юге Европы откуда может быть
отправлялись в путь и некоторые из тех
открывавших новый мир и разрушивших
этот новый мир до основанья до печального конца

Наши книги отворачиваются от нас
оборачиваются корешками-спинками к нам
хотя и мы принадлежим к тому же усталому меньшинству
и знаем это и без высказанных и написанных слов
знаем что ни у кого нет своего собственного голоса
и своего собственного имени
что ложь никогда не может быть новой а только правда
и только боль – возможно что нам не встретиться никогда
но мы никогда не бываем совсем одни – и это правда
которая не покидает нас и по пути в темноту
куда течет все куда ведут пути и слова
и о которой нам напоминает след камешка на пруду
и тающий след солнца над далеким лесом

Вы постучали не в ту дверь нажали не на ту кнопку
тут уже давно нет меня нет ни Яна ни Яана
а фамилия также не та ее давно сменили
вместе с фотографией – тот кто там изображен
давно уехал неизвестно куда и его подпись
расплылась на мокрой бумаге и так же неразборчива
как те страницы что он оставил на столе
вместе со старой трубкой и коробкой спичек
и томиком стихов Алвару де Кампуша
на чьей пыльной обложке чей-то палец
начертил что-то похожее на знак который
уже давно потерял всякое значение

Эта старая полузабытая повседневная боль
этот кремневый наконечник древней стрелы
когда-то поразил меня задержавшись
где-то в груди не дойдя до сердца
превращаясь из каменного в бронзовый
из бронзового в железный а потом уже
из наконечника стрелы в свинцовую пулю
а потом может быть в пучок смертоносных лучей
или лозунги крики из темных недр истории
где маятник качается от беды до катастрофы
от катастрофы до беды и свет в конце туннеля
может быть отблеск пожара от зажигательных бомб
или костра где сжигают книги или людей – опять
сердцу так невыносимо больно – я понимаю
все яснее что мне не дожидаться конца каменного века

Может быть еще не поздно научиться вычитать
значение музыки из музыки значения
еще не поздно понять есть ли разница
между ритмом дыхания и ритмом стиха
бегом лисы за зайцем и бегом зайца от лисы
или ритмом падения желтых листьев
со старого клена у дорожки на пригорке
утром после заморозков в начале октября
может быть мир это не течение а музыка танец
вселенский танец всего со всем всех со всеми
танец богов, журавлей, атомов, слов и слогов
безымянный бесконечный танец в честь Большого Взрыва
и Большой Пустоты

*Воскреснет твердый знак, вернется ять с фитою.
Георгий Иванов*

Прошлое отходить и будущее течь все быстрее
сквозь пальцы дни и заботы—тѣни на муравѣ
съ каждымъ днемъ все длиннѣе и чернѣе—близокъ тотъ часъ
когда мнѣ придется сказать одной изъ тѣхъ тѣней
свои послѣднія слова—это не такъ трудно но все же
я не увѣренъ что меня поймутъ—хотя я тутъ родился
я родомъ не отсюда я не сдѣланъ ни въ Совдепѣ
ни въ Эстоніи—я попавшій не туда подданный
Государя с печальными глазами убиитаго далеко отсюда
почти столѣтіе тому назадъ—закрывая глаза
я слышу что-то какъ-будто плачъ крикъ о помощи
залпы лозунги пѣсни молитвы заклинанія
сквозь шумъ водоворота исторіи уносящаго насъ
вмѣстѣ с отрывками своихъ и чужихъ воспоминаній
въ царство тѣней—или альтернативную реальность
гдѣ я смогъ-бы печатать свои книги съ ятями и ѳитами
въ своемъ государствѣ читать стихи Блока и Ходасевича
вмѣстѣ съ отцомъ и слушать его рассказъ о томъ какъ однажды
у нихъ былъ въ гостяхъ Владиміръ Ульяновъ
господинъ съ хорошими манерами и фунтикомъ конфетъ
для мальчика который черезъ тридцать лѣтъ умретъ въ лагерѣ
какъ большинство друзей-знакомыхъ господина Ульянова

№ 130 ноября 1905 г.
Принимать Пошлины по
№ 130

Всего в 1905 году по
№ 130 12 000 000
1905 году 10 000 000
1904 году 10 000 000

Всего в 1905 году по
№ 130 12 000 000
1905 году 10 000 000
1904 году 10 000 000

Всего в 1905 году по
№ 130 12 000 000
1905 году 10 000 000
1904 году 10 000 000

Всего в 1905 году по
№ 130 12 000 000
1905 году 10 000 000
1904 году 10 000 000

Всего в 1905 году по
№ 130 12 000 000
1905 году 10 000 000
1904 году 10 000 000

Всего в 1905 году по
№ 130 12 000 000
1905 году 10 000 000
1904 году 10 000 000

Всего в 1905 году по
№ 130 12 000 000
1905 году 10 000 000
1904 году 10 000 000

Русские стихи Яна Каплинского: возможно ли такое?

Вероятно, Ян Каплинский прав: «ни у кого нет своего собственного голоса и своего собственного имени». Поэт лишь, в отличие от благодушного интеллигента, видит в этом проблему (как, впрочем, он видит проблему во всём). Общепринятые представления о поэзии как диалоге автора и читателя (в том числе и «провиденциального собеседника») приобретают, таким образом, иную степень сложности. После десятилетий пристального вслушивания в себя оказывается, что поэту *легче и приятнее общаться с белыми облаками и замшелыми камнями, чем с людьми.*

Но это – поэту. Какой бы ни была его позиция, она не отменяет существования позиции читателя. Лишь усложняет его самоидентификацию: в качестве кого он берет в руки новую поэтическую книгу? В какой роли он оказывается в результате ее «понимания»? На какой полке в аксиологическом шкафу находит ей место? Каким эмоциям ищет в ней подтверждения?

Это, с первого взгляда идущее вразрез с точкой зрения автора, акцентирование «партии читателя» пусть не будет воспринято как интерпретационный эпатаж: слишком разительна дистанция между опытом русского читателя, его ожиданиями и этой книгой, чтобы не начать разговор именно с «проигрывания» этой партии.

Какие же вопросы должен для себя поставить читатель, чтобы эта дистанция не выглядела со стороны столь безнадежной? Где та читательская позиция, которая позволила бы

включить рефлексию относительно зрительной и слуховой специфики в том, что имеет отношение к поэзии? Ведь, казалось бы, она зиждется на беспрецедентно почетном месте поэзии в традиционной русской культуре?

Наверное, с прояснения того, какая именно поэзия занимала в течение долгого времени это место, и стоит начать. Следующим же важным пунктом должно стать признание бесповоротности потери этого места.

Да, правда, в последние годы советской поры русская поэзия, казалось, достигла апогея своего влияния в обществе. Сотни участников из десятков поэтических кружков, отвергавшихся, по крайней мере, в течение двух предыдущих десятилетий государственной литературной институцией, стали получать доступ к читателям, число которых исчислялось в тысячах. Интерес к поэзии и ее статус поддерживался также и широкой публикацией большей части неизвестного или малоизвестного ранее поэтического наследия XX века.

И эта поэзия была предельно «поэтичной»! Она была столь переполнена символами, цитатами и аллюзиями, уводящими в мир, как тогда казалось, «вечных ценностей», что те единицы стихотворцев, что не шли в фарватере этой «великой традиции», а ориентировались на современное им европейское письмо или даже отечественный радикальный авангард революционной эпохи, казались культурно, а то и лично неадекватными маргиналами.

Однако, не успела пасть советская власть, как от этой конструкции не осталось почти ничего. Ни старому читателю в новых обстоятельствах, ни, тем более, новому читателю поэтическая продукция околордиссидентской интеллигенции оказалась, в сущности, не интересна. Да и сама пишущая стихами интеллигенция перестала находить в этом занятии то, что находила ранее: осмысленную деятельность, надежду, утешение, какие-то элементы признания.

Вокруг лежала культурная пустыня, в возможность возникновения которой еще вчера невозможно было поверить: перестроечную журнально-телевизионную лихорадку, а затем восторг митингов и демонстраций, но главное – экстастику ожиданий сменила тяжелейшая фрустрация. Воздушные замки обернулись гиперинфляцией, корявыми жестяными ларьками, непонятно откуда взявшимися (советскую интеллигенцию мало волновал мир «простого человека») людьми с золотыми цепями на толстых шеях, одетыми в бордовые пиджаки, террористическими актами и просто уличной преступностью, авиацией и артиллерией, уничтожающими четырехсоттысячный город в собственной взбунтовавшейся провинции.

Вот тогда и настало время поиска «актуального»: в поэтике, в тематике, в языке. И наиболее живое было связано как раз с демонстрацией отказа от парадигм предыдущей эпохи, с «ненавистью к поэзии».

Прошло два десятилетия. Многие из тех, кто с молодыми силами взялся тогда за этот поиск, умерли, состарились, замолчали. За это время в поэтическом мире было много «новостей» (женское превалирование среди дебютантов, эмансипация социальной тематики...). Приходили и уходили моды («новая искренность», маргинальность или, наоборот, популярность). С выходом на сцену уже третьей генерации (2010-х) число дебютантов стало еще малочисленнее, круг читателей – еще уже. Поэзия стала более современной, более космополитичной, более открытой и живой, но работа с «великой традицией» если не как с объектом поклонения, то как с точкой отталкивания (что в нашем случае в сущности – одно и то же) еще далека от завершения.

И вдруг – эта книга, написанная так, словно ни «великой традиции», ни борьбы за ее преодоление не существует. А есть лишь смертный человек в смертном мире. Нет никакого «поля литературы», и нет никаких капиталов и статусов – есть лишь прикосновения к листьям и камням, глотки воздуха и воды,

запахи вещей и плодов, пульсация крови и времени – всё то, что свидетельствует перед человеком о том, что он жив, и о том, что он смертен, и что заставляет человека в свою очередь свидетельствовать о себе перед *Никем*. Свидетельствовать вместе с затихшей кошкой и кричащей птицей, наряду с земноводными и рыбами, шмелями и пауками, снежинками и порывами ветра, не делая различия между *Его* *странным отсутствием и присутствием*.

Русская поэзия отвыкла от такой речи. Ей так не хватает всемирно признанного поэта, отказывающегося при этом разыгрывать роль «важной персоны», «любимца муз», «национального гения», «интеллектуального олимпийца». Ей так не хватает патриарха, перед лицом которого глупо фиглярствовать, неловко резонерствовать, нелепо сводить старые счета, стыдно самообнажаться.

Перестав заниматься цитированием «национальных классиков» сперва всерьез, в качестве клятвы верности «высокому», а затем иронически, якобы с целью деконструкции этого «высокого», поэзия занялась – таки, наконец, живым человеком с его проблемами, но и ее создатель и ее читатель как будто бы забыли, что поэт – это не философ, не социолог, не критический теоретик, не лингвист, что у него есть свой собственный предмет.

Как раз осязаемое присутствие этого предмета так и потрясает в книге Яна Каплинского. Мы отчетливо осознаем, что речь идет об особом состоянии человека, в котором **пространство** ему представляется промежутком *между чем-то и ничем*, **время** – чем-то, не имеющим *ни начала, ни конца, ни значения*, **история** видится в *тусклом свете времени пережившем само себя*, **творчество** – в *свободном падении из ниоткуда в никуда*, состояние, в котором только и возможна предельная апофатика **поэзии**: *не смог сказать то, что в самом деле хотел*.

Собственно, цитировать книгу так же бессмысленно, как пытаться ее пересказать. Не случайно сам Каплинский (если не считать выпившего крестьянина-персонажа, поющего по-русски песню о гибели крейсера «Варяг») вспоминает лишь одну цитату: «Памятник» Горация. Но это всё равно что (в другой парадигме) прошептать «Credo in unum...». Гораций – и есть такое credo. После того, как это имя произнесено, окончательно проступают контуры подлинного, не оставляющего никакой надежды, адресата книги, а не «читателя» и не «провиденциального собеседника».

И еще одна важная вещь: абсолютно не важно, на каком языке ведется этот разговор. Потому что как есть вещи поважнее «поэзии» (если это не поэзия сырого воздуха), есть и формы выражения человеческой природы поважнее «языка» (если, конечно, это не язык родника или воробьев), где уравниваются *стихи которые так и останутся сразу написанными и ненаписанными, рожденные и нерожденные мысли, названное и безымянное.*

Собственно вопрос, поставленный в заглавии, остался без ответа: «как такое возможно?» (я имел в виду по-русски). То есть: достаточна ли прочность русской поэзии сегодня, чтобы вынести эту книгу?

Сергей Завьялов

Содержание

Бѣлыя бабочки ночи... 5
В начале был Лермонтов 7

I

Могу молиться лишь Богу... 13
Пройти сквозь мир и пространство... 14
Время это течение или течение течения... 15
Этот серебристый мир зазеркалья... 16
Волей-неволей участвуя в небытии и одиночестве Бога... 17
Все за что мы жили умерли болели и боролись... 18
В поиске смысла жизни мы жертвуем жизнь смыслу... 19
Оно здесь совсем близко даже ближе имен и воспоминаний... 20
Зачем существовать если можно просто бороться за существование... 21
Даже голос ворона звучит все звонче и бодрее... 22
Правое и левое обмениваются местами... 23
Внучка смотрит удивленно прищунив глаза против света... 24
Вещи не запомнили своих имен и вот я начинаю их забывать... 25
Все течет как чернила так и чернильница... 26
И я почти готов выйти из себя и из моды... 27
Что-то из того что я выронил из моих окостенелых рук... 28
Рано или поздно мы все нырнем в неизвестное... 29
Я боюсь тех кто боится пустоты... 30
Инакобытие – тихий голос шорох шелест... 31
Те кто тогда пришли с младенческой улыбкой... 32

II

- Негев... 35
- Дверь открыта стою на пороге... 36
- Будущего уже нет... 37
- Бог умер... 38
- Опять я один в темноте... 39
- В тумане над тающими льдинами... 40
- Все дороги ведут-уводят в прошлое... 41
- Язык родника под ольхами почти что родной... 42
- Моя кровь эритроциты и лейкоциты не знают обо мне... 43
- Идентичности нет она как собственный запах... 44
- Разве и эта жизнь лишь дырявый мешок как все другие... 45
- Ветер откуда-то издалека как будто из того детства... 46
- Поздняя ночь с ее предвесенней тишиной... 47
- Когда кто-то повесит новый календарь на кухонную стену... 48
- Все растворяется в сумерках белой ночи
заботы сны розовые облака... 49
- Мама умерла в мае бабушка в июне
а мы исподволь начали понимать... 50
- Весеннее утро как одна-единственная улыбка... 51
- Как банален этот мир но вряд ли мы тут навсегда... 52
- Это было словно вчера утром я встал из-за стола... 53
- Нет души то что есть это только имя... 54
- Небо там в высоте не небо а пустота как в самом начале... 55
- Там в зеркале не я как и перед и за зеркалом... 56
- Мы играем в шахматы мы играем в хоккей... 57
- Иногда мне хочется умереть чтобы не встретить свою смерть... 58
- Созданное несозданное – пена на вечерних волнах... 59
- Я не знаю как в цветке живется букашкам-жучкам... 60
- Мы незваные гости на этом балу... 61
- Обо всем уже написано но ничего еще не сказано... 62
- Как тихо все в Кязэрику каким молчанием молчат... 63
- И бытию и небытию нет спасенья – нам и детям... 64
- Пятнадцать градусов все они один за другим... 65
- Всё что есть весь мир дальше и близкое есть зеркало... 66

III

- Первый снег белые леса белые поля и дороги... 69
- Смола уже крошится на пальцах... 70
- Все вырастает из воспоминаний... 71
- Между словами нечто большее чем слова... 72
- Если ты смог так долго жить вместе с тишиною... 73
- Молитва и есть то что останется... 74
- Ветер пронесся откуда-то куда-то над моими свежими следами... 75
- Дни могут повторяться но не дневной свет... 76
- Ничто не дается даром – за увиденное и услышанное... 77
- Эксперимент не удался... 78
- Наши книги отворачиваются от нас... 79
- Вы постучали не в ту дверь нажали не на ту кнопку... 80
- Эта старая полузабытая повседневная боль... 81
- Может быть еще не поздно научиться вычитать... 82
- Прошлое отходить и будущее течь все быстрее... 83
- Русские стихи Яна Каплинского: возможно ли такое?
Сергей Завьялов 87

